

**ЛОКАТИВНЫЕ ИМЕНОВАНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ
В ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ БЕЛОЗЕРСКОГО КРАЯ
КОНЦА XIV–XV В.**

Исследователи ономастикона древнерусских и старорусских памятников письменности неоднократно указывали на слабую отграниченность имен собственных от имен нарицательных на ранних этапах становления региональных онимических систем [Карпенко 1966, Матей 1987, Смольников 2005]. Для топонимии древнейших письменных памятников характерно разнообразие типов номинаций, выражающих посессивные, локативные или качественные значения. В данной работе рассматриваются основные виды локативных именований географических объектов, отмеченные в памятниках письменности Белозерского края конца XIV–XV в. Локативные наименования исследуются с позиций функционального подхода к описанию ономастических единиц, продуктивность которого была убедительно доказана в работах С. Н. Смольникова [Смольников 2002; 2005].

Функция выражения пространственных отношений первична для названий географических объектов, следовательно, локативы составляют функциональное ядро любой топонимической системы. Очевидна связь именований данного типа с ФСК локативности. В функциональной грамматике локативность понимается как «семантическая категория, представляющая собой языковую интерпретацию мыслительной категории пространства, и вместе с тем как ФСП, которое охватывает разноуровневые средства данного языка, взаимодействующие при выражении пространственных отношений» [ТФГ, 5]. Общая семантика категории локативности включает в себя три компонента: локализуемый объект, локализатор, пространственное отношение, связывающее локализуемый объект и локализатор [ТФГ, 8].

Географические именованья, извлеченные из актовых текстов, обозначают локативные отношения с разной степенью дифференциации. В топонимии памятников письменности первичным (специализированным) средством выражения локативных значений являются ориентированные именованья дотопонимического характера. В исследуемых текстах они представлены предложно-падежными и предикативными конструкциями: *поженка, что у меня на Пачюсе* (АСВР II, 38, 1397–1427 гг.), *село на Люпоозере* (АСВР II, 255, 1470 г.). В таких именованьях все компоненты локативной ситуации представлены эксплицитно. Все исследуемые географические названия включают локализатор – имя существительное, принимающее синтаксическую форму обстоятельства места: *деревня на Песочне* (АСВР II, 223, 1473 г.). Локализуемый объект обозначен географическим термином, пространственные отношения выражены предлогами и падежными окончаниями: *пожня от Никифоровы пожни до Микифоровы пожни* (АСВР II, 168, 1455–75 гг.), *пожня на усть-Марьевы* (АСВР II, 72, 1435–47 гг.), *пожни по реке по Колдоме* (АСВР II, 290, 1492 г.). В памятниках монастырской деловой письменности предложно-падежные конструкции используются также для именованья лиц по месту рождения или проживания: *Исачко з Боровые деревни* (АСВР II, 290, ок. 1492 г.), *Иван Есипль с Ырдомы* (АСВР II, 56, 1428–34 гг.).

В текстах актов наиболее частотными являются предложно-падежные конструкции с одним или с двумя локализаторами: *пожня за Марьевою речкою* (АСВР II, 112, 1448–70 гг.), *в Заозерьи в Глебцеве слободе деревни* (АСВР III, 269, 1479 г.), *наволок противу устья Суды реки на реке на Шексне* (АФЗХ, 306, 1504 г.) и т.д. В отдельные именованья включается три или четыре локализатора: *пожня на усть-Марьевки речки до Сечючя, до манастерьские пожни* (АСВР II, 151, ок. 1440–60 гг.), *пожня в Вижькшиньском наволоце от поповы пожни Фроловы до Кореневы межси* (АСВР II, 5, 1397–1410 гг.). В таких конструкциях средством выражения локативного значения являются не только предложно-падежные формы, но и наречия: *пожня от Толдовского озерка вниз до кривые березы, от тое березы прямо к Шохсне на краи Тресты* (АСВР II, 39, 1397–1427

гг.), *пожня вниз по Шелекше левую сторону от Волоцкого пути до реки до Порозобицы* (АСВР II, 334, 1499–1500 гг.). Данные именованья довольно широко распространены в поземельных актах. Сельскохозяйственные угодья являлись предметом купли-продажи, поэтому для создателей документов было важно точно обозначить границы отчуждаемых земельных владений. В именованьях типа *дал пожню на Шохсне на усть-Сярьс с верхнюю сторону, да по речке по Сярьсе вверх до Ивановы же пожни* (АСВР II, 134, 1448–70 гг.) локативные определители выполняют функцию межевой формулы, которая в большинстве актов представляет собой самостоятельное предложение (*А межа той земли от... до...*).

В исследуемых текстах отмечены топонимические сочетания географического термина с прилагательным, имеющим в своем морфемном составе префикс с пространственным значением: *пустошь Запрудная* (КБел 6, 3 об., 1448 г.), *пожня Подборная* (АФЗХ, 288, 1495–1511 гг.). Вероятно, данные ориентированные именованья возникли в результате структурной модификации предложно-падежных форм. В исследуемых текстах отражен процесс топонимизации ориентированных именованья (формирования специализированной модели словообразования локативных топонимов). В белозерских письменных памятниках отмечено географическое название, образованное конфиксальным способом: *деревня Заозерьица* (АСВР II, 284, 1492 г.). По частеречной принадлежности данное именованье является именем существительным. Подобные формы тяготеют к выходу за пределы ФСП локативности: в топониме *Заозерьица* локативное значение объединяется со специализированным ономастическим значением.

В текстах монастырских актов широко представлены локативные топонимические сочетанья относительного прилагательного и географического термина. Производящей базой для относительного прилагательного, входящего в состав топонимического сочетанья, в ряде случаев является основа апеллятива: *пожня Мостовая* (АСВР II, 22, 1397–1427 гг.), *Боровая деревня* (АСВР II, 290, 1492 г.) – *бор* 'возвышенное место, холм' Арх., Вят., Твер., Петерб., Тобол. (СРНГ

3, 96), село *Бережное* (АСВР II, 105, 1448–70 гг.), *Подольнее селище* (АФЗХ, 307, 1453 г.) – *подол* 'низкое, низменное место, особенно под горой, близ реки; низина' (СлРЯ XI–XVII 16: 28), *дер. Горняя* (АСВР II, 290, 1492 г.).

Более дифференцированно обозначают локативные отношения именованья, в которых прилагательное восходит к имени собственному: *Коркучская нива* (АСВР II, 298, 1490 г.), *наволок Ергобоцкой* (АСВР II, 47, 1428–32 гг.), *Шидьярская деревня* (АСВР II, 230, 1475–80 гг.), *Ирдомское село* (АСВР II, 218, 1472 г.), *пустошь Чарондьяская* (АСВР II, 218, 1472 г.). Номинации, включающие в свой состав прилагательное, образованное от географического названия, наиболее частотны в исследуемых текстах. Конструкции, включающие в свой состав личное имя и оттопонимическое определение – относительное прилагательное на *-ский*, активно используются и для именованья лиц по месту проживания: *Михаил Фокинский* (АСВР II, 229, 1475–76 гг.) – *Фокинская деревня* (АСВР II, 229, 1475–76 гг.), *Ивашко Пестовской* (АСВР II, 229, 1475–76 гг.) – *деревня Пестова* (АСВР II, 296, ок. 1496–1505 гг.), *Петрок Лешминской* (АСВР II, 290, 1492 г.) – *деревня Лешмина* (АСВР II, 223, 290, 1492 г.).

Именованья географических объектов, построенные по модели «относительное прилагательное + географический термин», являются неспециализированным топонимическим средством выражения локативных значений. В конструкциях (например, *Ситюкие пустоши*) представлены только локализатор (*Ситюкие* – р. Ситка) и локализуемый объект (*пустоши*). Суффикс *-ск-* реализует недифференцированное релятивное значение. В именованьях, указывающих на отношение одного объекта к другому, локализатор занимает синтаксическую позицию определения. В атрибутивных конструкциях значение локализации ослабевает, объединяясь с определительным значением.

В белозерских памятниках письменности XIV–XV вв. наблюдаются две противоположные тенденции. С одной стороны, именованья, построенные по модели «относительное прилагательное + географический термин», обнаруживают тесную связь с предложно-падежными конструкциями, входящими в состав ядерной части ФСП локативности. Об этом свидетельствует наличие

морфолого-синтаксических вариантов: *деревня на Талице* (АСВР II, 117, 1448–70 гг.) – *деревня Талитцкая* (АСВР II, 117, 1448–70 гг.), *поженки Чяромские* (АСВР II, 238, 1476–82 гг.) – *поженки на Чяромке* (АСВР II, 290, 1492 г.), *деревня в Шидьяре* (АСВР II, 15, 1397–1427 гг.) – *Шидьярская деревня* (АСВР II, 230, 1475–80 гг.).

С другой стороны, в исследуемых текстах отмечены образования, в которых отсутствует согласование географического термина и определяемого прилагательного по роду: *дер. Чяромское* (АСВР II, 290, 1492 г.), *деревня Подолское* (АСВР III, 272, 1497 г.). Данные конструкции тяготеют к выходу за пределы ФСП локативности. Наличие подобных форм в текстах актов свидетельствует о том, что в XV веке процесс эллиптической субстантивации атрибутивных топонимических сочетаний с локативной семантикой уже начался.

В памятниках письменности представлены не только локативные именованья дотопонимического характера, но и локативные топонимы, возникшие в результате собственно ономастического словообразования: *поженка Сосновка* (АСВР II, 78, 1435–47 гг.), *дер. Подол* (АСВР II, 290, 1492 г.), *деревня Взвоз* (АСВР II, 290, 1492 г.) – *взвозь* 'въезд, подъем (от реки, моста, перевоза)' (СлРЯ XI–XVII, 2: 144), *деревня Мыс* (АСВР II, 285, 1492 г.) – *мыс* «в названиях населенных пунктов, расположенных на возвышенности» Арх., Перм. (СРНГ 18: 60) и др.

Собственно топонимами являются образования с формантами *-еу*: *Осиновец земля* (АСВР III, 272, 1497 г.), *-к(а)*: *поженка Сосновка* (АСВР II, 78, 1435–47 гг.), а также географические названия, образованные в результате процессов трансонимизации: земля *Мароозеро* (АСВР II, 165, 1455 г.), онимизации апеллятива: земля *Прилуж* (АСВР II, 61, 1428–34 гг.) – *прилуж* 'берег речного изгиба' Холм., Коми АССР, Соликам., Перм., Иркут., Илим. (СРНГ 31: 280), пожня *Плесо* (АСВР II, 168, 1455–75 гг.) – *плёсо* 'участок реки от одного изгиба или переката до другого' Костром., Волог., Арх., Сев.-Двин., Новг. (СРНГ 27, 116), село *Борок* (АСВР II, 307, 1453 г.). В исследуемых текстах зафиксированы именованья, в которых онимизация апеллятива сопровождается лексикализацией

формы множественного числа: *деревня Липники* (АСВР II, 267, 1485 г.), *пожня Вязники* (АФЗХ, 309, 1511), *деревня Березники* (АСВР II, 290, 1492 г.). Локативное значение в топонимах *деревня Горка* (АСВР II, 267, 1485 г.), *поженка Сосновка* (АСВР II, 78, 1435–47 гг.) замещается разрядным топонимическим. Следовательно, собственно топонимы, возникшие в результате словообразования по модели, выходят за пределы ФСП локативности.

В официально-деловой речи рассматриваемого периода наблюдается тенденция преобразования собственно топонимов в топонимические дескрипции: земля *Прилук* (АСВР II, 61, 1428–34 гг.) – *Прилуцкие земли* (АСВР II, 61, 1428–34 гг.), земля *Липник* (АСВР II, 164, 1455 г.) – *земли Липенские* (АСВР II, 164, 1455 г.), земля *Мароозеро* (АСВР II, 165, 1455 г.) – *земли Мароозерские* (АСВР II, 165, 1455 г.). Это еще раз позволяет говорить о разнонаправленной динамике ономастической лексики в составе ФСП: центробежной (движение топонимных образований за пределы функционально-семантических категорий), центростремительной (движение топонимных образований от периферии к центру ФСП).

Таким образом, функциональный подход позволяет по-новому взглянуть на процессы, происходящие в ономастическом пространстве. В XIV–XV вв. топонимия монастырских актов Белозерского края представляла собой систему проприально-апеллятивного характера и находилась на стадии перехода от сочетаний дотопонимического характера к собственно топонимам. Топонимические сочетания с локативной семантикой, зафиксированные в деловых текстах Белозерского края конца XIV–XV в., не были однородными. Очевидно, что в памятниках письменности наряду с устойчивыми сочетаниями, закрепившимися в языке (социолекте), употребляются речевые топонимические сочетания. Топонимические конструкции, носящие характер устойчивой языковой номинации, являлись производящей базой для собственно топонимов. Речевые топонимические сочетания создавались и использовались для обозначения географических объектов в официально-деловых текстах.

Литература

Карпенко Ю.А. Становление восточнославянской топонимии (закономерности словообразования) // Изучение географических названий. М., 1966. С. 7–18.

Матей Л.П. Русская ойконимия с точки зрения семантической и структурной эволюции // Формирование и развитие топонимии. Свердловск, 1987. С. 44–59.

Смольников С.Н. Антропонимия в деловой письменности Русского Севера XVI–XVII вв.: Функциональные категории и модальные отношения. СПб., 2005.

Смольников С.Н. Категория посессивности в старорусском языке и проблемы исторической ономастики // История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси. Вологда, 2002. С. 5–28.

Сокращения

а) в названиях источников

АСВР – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. II, III. М., 1958.

АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства. Т. I. М., 1951.

КШ 2 – Книга крепостей на пожни по р. Шексне. // РГАДА. Ф. 1441. Оп. 1. № 2.

КБел 6 – Книга крепостей на пустоши в Белозерском и Вологодском уездах. // РГАДА. Ф. 1441. Оп. 1. № 6.

б) в названиях словарей

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–35. М.–Л.–СПб., 1965–2002.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–26. М., 1975–2002.

в) в названиях научных монографий

ТФГ – Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996.

г) другие

ФСК – функционально-семантическая категория

ФСП – функционально-семантическое поле